

Круглый стол
«Письменные источники по раннесредневековой истории славян» (Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г.И. Носова, Магнитогорск, 1–3 сентября 2022 г.)

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 227–239
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 227–239
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-227–239

СВЕРХСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ПОНЯТИЙ
В ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ

С.Г. Шулежкова¹, А.Н. Михин²

Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

¹ E-mail: shulezkova@gmail.com ² E-mail: artem.2000@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0002-0314-6721 ² ORCID: 0000-0001-8820-9252

Аннотация. В статье акцентируется внимание на сверхсловных языковых единицах, характеризующих христианского Бога и его окружение в старославянских памятниках, отразивших перемены в менталитете славян в период христианизации. Сложности при освоении новой веры преодолевались славянами относительно спокойно потому, что их путь к православию был проторен первоучителями Кириллом и Мефодием, а в учении Христа оказалось немало общего с традиционными языческими верованиями славян. Руководствуясь девизом *Господь хочет, чтобы все спаслись и достигли познания истины*, солунские братья заложили основы четвертого конфессионального литературного языка Европы, который в отечественном языкознании принято называть старославянским. Опираясь на понятные всем славянам языковые ресурсы, Кирилл и Мефодий опробовали

Данные об авторах: Светлана Григорьевна Шулежкова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций, заведующая Научно-исследовательской словарной лабораторией НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова; Артем Николаевич Михин – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова.

серию моделей слово- и фразообразования для обозначения христианских религиозно-философских понятий и культовых реалий, которые стали вербализаторами формировавшихся новых концептов, занявших ключевые позиции в трансформировавшейся языковой картине мира новообращенных христиан. Значительное место в этом специфическом наборе языковых единиц стали занимать наименования христианских кумиров (Святой Троицы – Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа) и многочисленных потусторонних существ. Анализ данных единиц, употребленных в сохранившихся до наших дней памятниках X–XI вв., а также массы оборотов, служащих названиями обитателей небесного царства и их противников, свидетельствуют о том, что православие славян впитало в себя немало черт их прежнего, языческого мировоззрения.

Ключевые слова: славяне, единобожие, крещение, ментальность, устойчивые словесные комплексы, язычество

Древнейшие славянские тексты датируются X–XI вв. К этому времени большинство племен средневековой Славии христианизировалось: «Еще к VIII в. относят крещение Словении, Хорватия крестилась около 800 года, в первой половине IX в. – Чехия, в течение IX в. – Сербия и Болгария. Даже поляки, обитавшие тогда в стороне от больших дорог, крестились лет на двадцать раньше, чем Киевская Русь»¹. «Русь с некоторым опозданием, но с тем большим усердием приняла “слово истинное” и “грамоту славянскую”»². Не случайно памятники, возникшие в X–XI вв. на территории Древней Руси, составляют сегодня самый значительный объем старославянских источников. Язык рукописей данной эпохи, на какой бы территории Славии они ни создавались, служит убедительным доказательством единства славянского мира. Старославянские тексты характеризуются одной и той же христианской тематикой, жанровой однородностью и общностью не только лексического, но и фразеологического состава. Подтверждением тому могут служить как лексикографические³ и фразеологические работы⁴, так и теоретические исследования славистов конца XX – начала XXI столетия⁵. Между тем в течение трех веков с момента обнаружения первых старославянских текстов основное внимание славистов было сосредоточено на изучении палеографических и фонетических особенностей рукописей, на выявлении их диалектных черт и места появления отдельных памятников. Что же касается лексико-фразеологического состава старославянского языка как особой знаковой системы, которая со второй половины IX в. до конца XI в. играла роль конфессионального литературного языка всего славянского мира, то его исследование начинается лишь во второй половине XX столетия. В 1977 г. Р.М. Цейтлин опубликовала монографию «Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.», начинающуюся справедливой оценкой уровня изучения интересующего нас раздела славистики: «Старославянский язык, первый письменный язык славян, сыграл значительную роль в исто-

¹ Трубачев 1992, 33.

² Толстой 1998, 52.

³ Цейтлин и др. 1994; Иванова-Мирчева 1999–2009; Пенкова 2008.

⁴ Шулежкова 2011; 2020/1; Климова и др. 2012; Михин и др. 2014; Жигулина и др. 2015; Шулежкова и др. 2017.

⁵ Цейтлин 1977; Вендина 2002; Ефимова 2011; Верещагин 2012.

рии культуры славянских народов <...> Между тем словарный состав этого языка остается все еще наименее исследованным разделом палеославистики»⁶. Можно с полным основанием утверждать, что монография Р.М. Цейтлин проложила путь к созданию собственно старославянских словарей. В 1994 г. интернациональная группа славистов из Чешской Академии наук и Российской Академии наук, куда входила и Р.М. Цейтлин, опубликовала «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)». В этом высокопрофессионально выполненном лексикографическом труде описано около 10 000 слов, извлеченных из старославянских памятников, признанных «классическими старославянскими»⁷. Данный словарь кардинально отличается от всех своих предшественников, в том числе тех, которые претендовали на статус «собственно старославянских». Мы имеем в виду, во-первых, изданный Л. Садник и Р. Айтцетмюллером в 1955 г. в Гейдельберге учебный словарь «Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten» с кратчайшими толкованиями на немецком языке далеко не всех старославянских лексем⁸, а также четырехтомный «Slovník jazyka staroslověnského», большая часть тетрадей-выпусков которого публиковалась в 1957–1993 гг. (полное репринтное издание было осуществлено в 2006 г. в Санкт-Петербурге)⁹. В первом из этих словарей, предназначенном для студентов, помещен ограниченный круг лексем из 20 старославянских памятников разных изводов; второй, подготовленный при Чешской Академии наук, представляет старославянский языковой материал в общей массе с данными церковнославянских источников XII–XVI столетий.

После выхода в свет «Старославянского словаря» 1994 г. несомненным шагом вперед в деле системного описания лексики старославянского языка следует признать подготовку и издание в 1999–2009 гг. научными сотрудниками Болгарской Академии наук двухтомного «Староболгарского речника», в основу которого легли тексты рукописей и надписей, возникших на землях Болгарии в X–XI вв.¹⁰. Проблема лексикографического описания старославянского языка на рубеже XX и XXI столетий успешно решалась: собственно старославянские словари стали базой для системного изучения лексики общеславянского литературного языка Средневековья. Доказательством тому могут служить талантливые исследования, выполненные российскими учеными, опирающимися на данные «Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков)», – монография Т.И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка»¹¹ и работа В.С. Ефимовой «Наименования лиц в старославянском языке»¹². Однако именно на рубеже XX и XXI вв. в палеославистике особенно остро обозначились две взаимосвязанные проблемы. Первая касалась места восточнославянских рукописей X–XI вв. в общей массе старославянских памятников, вторая – возможности или невозможности системного описания фразеологического фонда старославянского языка. Обе эти проблемы имеют прямое отношение к теме нашего исследования. Почва для возникновения первой проблемы была подготовлена в 1920–1930-е гг., когда

⁶ Цейтлин 1977, 8.

⁷ Цейтлин и др. 1994, 5, 8–12, 13–25.

⁸ Sadnik, Aitzetmüller 1955.

⁹ Курц, Гауптова 1958–1997; 2006.

¹⁰ Иванова-Мирчева 1999–2009.

¹¹ Вендина 2002.

¹² Ефимова 2011.

отечественная славистика понесла серьезные потери. Среди прочих негативных последствий политических и государственных постановлений тех лет, наряду с закрытием славистических кафедр, арестами и вынужденной эмиграцией специалистов в области сравнительно-исторической индоевропеистики, отметим прекращение работы над проектом «Памятники старославянского языка», в реализации которого принимали участие известные русские ученые: Г.А. Ильинский, Е.Ф. Карский, С.М. Кульбакин, В.А. Погорелов, С.Н. Северьянов и др. Никто из них не сомневался, например, в том, что Чудовскую псалтырь, рукопись XI в. восточнославянского происхождения, не говоря уже об Остромировом евангелии 1056–1057 гг., следует относить к старославянским памятникам. Но славистические центры из СССР переместились в Софию, Прагу, Мюнхен, Гейдельберг, Вену... С конца 30-х гг. прошлого столетия большинство славистов, не только зарубежных, но и советских, а затем и российских, стали исключать памятники X–XI вв., писанные на территории Древней Руси, из числа старославянских. Даже Остромирово евангелие, язык которого наиболее близок к переводам, выполненным первоучителями славян, снисходительно относили лишь к «косвенным» источникам изучения старославянского языка, к которым рекомендовалось обращаться только в том случае, если примеров употребления из «классических» памятников, то есть тех, что были созданы болгарскими книжниками (а это лишь 17–18 рукописей), было недостаточно для словарного описания лексем (см. об этом у Р.М. Цейтлин, которая утверждает: «Все остальные источники рассматриваются как косвенные, дополнительные, вспомогательные <...> Косвенные источники сами по себе никогда не могут изменить данные непосредственных источников – С(тарославянских) П(амятников)»¹³. Абсурдность такого «территориального» подхода к оценке старославянских памятников была доказана еще в 1845 г. А.Х. Востоковым, который в «Предисловии» к изданию Остромирова евангелия писал об этом памятнике: «...рукопись сия особенно достопримечательна, какъ ближайшій къ началу Словенской письменности памятникъ Церковнословенскаго языка»¹⁴. В наши дни точку зрения Востокова блестяще подтвердил Е.М. Верещагин¹⁵, доказавший, что «непосредственный антиграф *Остр* был переписан еще при жизни Мефодия (т. е. не позже 885 г.)»¹⁶.

Ограничив круг источников, официально признанных «классическими», слависты искусственно создали условия, препятствовавшие системному описанию фразеологического корпуса старославянского языка. Решение о языковом статусе сверхсловных единиц должно было опираться на достаточное количество примеров употребления, но далеко не всегда «классические» старославянские памятники позволяли это сделать. Зато доказательства устойчивости многих сверхсловных единиц можно было легко обнаружить в древнейших славянских текстах, которые не признавались старославянскими лишь из-за того, что созданы были не болгарскими писцами.

Зародившись в конце 1940-х гг., отечественная фразеология достаточно окрепла во второй половине XX в., чтобы служить теоретической базой для создания

¹³ Цейтлин 1977, 12.

¹⁴ Востоков 1845, II.

¹⁵ Верещагин 2012, 467–482.

¹⁶ Верещагин 2012, 469.

словарей сверхсловных языковых единиц различного типа (как идиоматического, так и неидиоматического характера). Но, как вполне резонно пишет известный фразеолог-славист В.М. Мокиенко, «чем интенсивнее она [фразеология – С.Ш., А.М.] развивалась, тем разительней становилась диспропорция между общетеоретическими ее достижениями и сравнительно-историческими исследованиями» конкретных сверхсловных языковых единиц¹⁷. Подобная диспропорция не могла не сказаться и на старославянской фразеологии. Мнение о невозможности установить принадлежность того или иного оборота к устойчивым всегда аргументировалось низкой встречаемостью их в «классических» старославянских текстах. Однако на фоне словарного бума второй половины XX – начала XXI в., сопровождавшегося изданием (среди прочих) фразеологических, паремиологических, эптологических словарей, появление статей, посвященных старославянским устойчивым словесным комплексам (УСК)¹⁸, а также индексов УСК конкретных (в том числе рожденных в Древней Руси) памятников¹⁹, и, наконец, фразеологических старославянских словарей, в которых достойное место заняли примеры из многочисленных памятников восточнославянского происхождения²⁰, уже не казалось неестественным. Обе проблемы, о которых говорилось выше, постепенно становились решаемыми.

Крещение сопровождалось трансформацией языковой картины мира средневековых славян. Ключевые позиции в менталитете новообращенных христиан начали занимать концепты, отражающие основные христианские понятия и догматы. Но, говоря о язычестве славян, очень часто забывают о том, что «Между языческими догматами древних Славянъ первое мѣсто занимаетъ догматъ о единомѣ, верховномѣ Богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ <...> Очень можетъ быть, что это вѣрованіе многимъ изъ Славянъ, не по насилію принимавшимъ Христианство, облегчало и переходъ ихъ отъ язычества», – справедливо писал И.И. Срезневский²¹. «Другіе боги <...> были <...> прибогами <...> Не мудрено, что Славянинъ смѣшивалъ ихъ съ тѣлесною природой, что въ своемъ воображеніи населилъ ими весь міръ – и землю, и небо. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ – въ громѣ и молніи, в вѣтрахъ, солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и пр.»²².

Неудивительно, что в религиозном фрагменте языковой картины мира христианизированных славян центральное место занял концепт «**Богъ крѣстианскъ (и)**». Семантическим и грамматическим центром имени данного концепта является общеславянская лексема *bogъ, имеющая индоевропейские корни (см. об этом в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных²³). В многочисленных именовании единого христианского Бога, судя по старославянским текстам, славяне подчеркивали прежде всего те свойства, какими они традиционно наделяли своего главного языческого бога,

¹⁷ Mokienko 2018, 78–81.

¹⁸ Шулежкова 2019; Shulezhkova, Kostina 2020 и др.

¹⁹ Климова и др. 2012; Жигулина и др. 2014; Михин и др. 2015; Шулежкова и др. 2017.

²⁰ Шулежкова 2011; 2020/1.

²¹ Срезневскій 1848, 2.

²² Срезневскій 1848, 5.

²³ Черных 1993/1, 98.

называя его «Великимъ богомъ, Богомъ боговъ, Старымъ богомъ, Прабогомъ»²⁴. Будучи бестелесным, этот языческий повелитель, как и единый христианский Бог, по представлениям древних славян, обитал на небесах; обладал безграничным могуществом и управлял всей вселенной.

Переводя богослужебные тексты с греческого (реже – с латинского) языка для христианизированных славян, Кирилл и Мефодий стремились как можно рациональнее использовать наддиалектные общеславянские языковые ресурсы. К наиболее характерным их переводческим приемам следует отнести 1) передачу христианских религиозно-философских понятий через сверхсловные языковые единицы и 2) стремление привлекать в качестве «строительного материала» при изобретении сверхсловных единиц христианского содержания славянские лексемы-полисеманты. Для этого надо было «отказаться от пословного перевода и прибегать к контекстному парафразированию, а также к покомпонентному конструированию новых словосочетаний, пригодных для определенного контекста»²⁵.

Старославянские памятники свидетельствуют о том, что поле вербализаторов нового концепта «**Богъ кръстианьскъ (и)**» состояло по преимуществу из сверхсловных языковых единиц – УСК, объединенных интегральной комплексной семьей ‘бог христиан; всевышний творец и господин всего сущего, бесплотный и бессмертный’²⁶. В ядерную зону этого поля, помимо имени концепта, входили УСК, называвшие единого бога христиан с учетом многогранных его «сверхсвойств»: **богъ бесплътнѣи, богъ богомъ, богъ вышний, богъ вседръжителъ, богъ всѣхъ, богъ вѣчнѣи, богъ живѣи, богъ истиннѣи, богъ небеснѣи / небесьскѣи, господь силъ, сватаѣ троица**. Вот только некоторые из многочисленных текстовых фрагментов, содержащих старославянские наименования христианского бога:

и въ оужасти бивѣше велицѣ• падоша ници на земли• величаѣште в(ог)а кръстианьска• просаште отъ него съподовьнѣи• с(ва)тыѣ вѣры кръстианьскы• Супр 541: 4-7. Ник’то во можааше своимѣ очима в(ог)а бесплътнѣи видѣти• огнь во кстѣ опалаѣ в(ог)ѣ• и ник’тоже отъ чловѣкѣ в(ог)а видѣвъ живѣ вѣдетъ• Супр 10: 30 – 11: 1-4; Гавитѣ сѣ в(ог)ѣ в(ого)мъ въ сионѣ• Се же рече прѣложенникъ вештинѣи• съдѣлалъ кстѣ въчл(овѣ)чь сѣ в(о)жикъ слово• и плѣтижъ яви сѣ• и първекъ въ си(о)нѣ свокъ явленникъ сътвор’• Чуд 167а: 1-14, с. 203: 17-30 (стлб 1); се книги завѣта в(ог)а вышняаго• Изб 1076 84.2: 10-11; овѣштавѣшоу же сѣ съхранити• тако житникъ живѣ блаженнѣи пионнѣи• непорочно неистѣлѣнно• присно оума имы свокго прострѣта къ богоу вседръжителю• Супр 141: 25-29; Глышахъ во рече• издрекъша в(ог)а всѣхъ тако сждѣ вѣдетъ и въздааникъ• благиныхъ и зѣлыныхъ• Чуд 53г: 13, с. 68: 9-13 (стлб 1); рече же асклипадинѣи и савиннѣи• мы богоу живоуоумоу покараемъ сѣ и овѣштаваемъ сѣ• Супр 125: 20-23; Гѣко ты г(оспод)и вышний и по всен земли• Всеѣ земля г(оспод)ѣ тѣ кстѣ тако сътворивъ ѣ надъ нежъ сы• Зѣло прѣвѣзнесе сѣ надъ всѣми в(ог)ы• Мьнимыѣ в(ог)ы а не сжштѣ быти тѣ всѣми г(оспод)ѣ• тако в(ог)ѣ истиннѣи• Евг пс 51б: 17-20-52а: 1-7; да по мѣдрости вашен сждите

²⁴ Срезневский 1848, 4.

²⁵ Верещагин 2012, 245.

²⁶ Шулежкова 2020/1, 282.

въ правдѣ. по плъти подобнымъ вамъ. заклінакѣ. оубо васъ. вѣроу истинноу. повѣдите намъ. кою бога подобаатъ нама отъврѣшти са. небесъскаго ли или земънааго. вѣчнааго ли или маловрѣменьнааго. Супр 258: 1-8; тѣмъже ѡже бесъ покааниѣ оумьретъ. то авѣ то естъ. ѣко нѣстъ крѣстѣнъ. понеже не вѣроуетъ въскрѣшеню. ни въ с(ва)тѣхъ троицѣ. Син евх 67b: 14-18.

В около ядерную зону поля вербализаторов концепта «Богъ крѣстианскъ(и)» входят сверхсловные языковые единицы, обладающие дифференциальной комплексной семей 'лицо (ипостась) христианского Бога'. Поэтому в данной зоне сформировалось три группы единиц, каждая из которых объединяет УСК, называющие одну из ипостасей триединого христианского бога.

Первая группа включает УСК, характеризующие Господа Бога как бесплотного предвечного отца, обитающего в небесах, и как создателя всего живого во вселенной (везначальнъ(и) отьць, богъ отьць, невидимъ(и) отьць, отьць божъ(и), отьць небеснъ(и) / небескъ(и)):

Бгдаже везначальны о(ть)ць. везначальное рождѣство. с(ы)ноу своему отъкры. ѡ с(ва)тааго д(оу)ха съшествіе. трончское съвъкоупление съвъствова. запрѣщшимъ вѣтромъ. ѡ влѣнение морское оукрошьшемъ. Син евх 53a 130: 9-14; Рече г(оспод)ь къ пришѣдшимъ къ нѣмоу ноудеомъ аще в(ог)ъ о(ть)ць вашъ бы былъ. любил ма высте азъ во отъ в(ог)а изидохъ и придохъ не о себѣ бо придохъ нъ тъ ма посъла. (Ин 8: 42) Остр 32bв: 1-10; и възъпивъ с(ва)тын кодратъ рече г(оспод)и ѡ(оу)се х(ристо)се. невидимааго отьца. посъли помощь на нѣ. и застѣпи а. Супр 305: 5-7; тоу <...> отьць в(о)жин. иж неже плъти х(ристо)с(ъ) роди са. Супр 461: 5-7; тако и отецъ н(е)в(е)с(ь)скъ сътворитъ вамъ. аще не отъпоуцаате кождо братроу своему отъ ср(ь)д(ь)ць вашихъ. (Мф 18: 35) Мар 61: 14-17; вечероу же бывшоу начаша пѣти ѡал'мъ син. живыи въ помощи вышнааго. въ кровѣ в(ог)а небесънааго въдворитъ са. рече господеви застѣпниккъ кси ты. и привѣжиште в(ог)ъ мон оуп'важ на нь. тако тъ избавитъ ма отъ свѣти ловчѣ. и отъ словесе матежна. и коньчавъше ѡал'мъ помоліша са. Супр 70: 17-25.

Вторая группа, состоит из УСК, называющих Иисуса Христа. В нее входят сверхсловные единицы, отмечающие божественную природу Мессии, его родственную, сыновью связь с самим Господом Богом; «богочеловечность», то есть принадлежность одновременно и к Царству Небесному, и к земным людям; его проповеднический дар, жертвенность и роль спасителя человечества (сынъ иночадѣи / кьдночадѣи (божьи), сынъ кьднорождѣни (божин), богъ въ плъти, богъ плътиж, агньць божин, агньць доуховнѣи, агньць непорочнѣи, агньць сватѣи, богъ слово небесноу, богъ (и) съпасъ / съпаситель):

Тако во в(ог)ъ възлюби мира. ѣко с(ы)на своего единочадааго дастъ. да въскъ вѣроуан въ нь не погывнетъ. нынѣ-иматъ живота вѣчнааго. (Ин 3: 16) Мар 323: 9-12; ѡже во сътвори кьднорождѣни сынъ божин. се и ты сътвориши противъ силѣ свои. мироу исходатан бываа. и себѣ и намъ. Супр 423: 12-16; Что се дньсь мальчаник много на земли. ч'то се мальчаник много. и неплѣштеваник много. тако цѣсарь спитъ. земля оубо са и оумльча. тако богъ плътиж оусьпе. богъ плътиж и оусьпе. и адъ въстрепе-

та. Супр 448: 2-6; **Въ** оно врѣмѣ. стоѣше иоаннъ. отъ оученикъ его двѣ. и оузьрѣ ѿ(соу)са градъца и г(лаго)ла. се агнецъ б(о)жинъ. (Ин 1: 35-36) Ват 28: 6-8; 2(fol 104v); г(оспод)і б(о)же нашъ. прѣдъложенъ сѣ самъ. агнецъ непороченъ за животъ в'сего мира Син служ 2b: 3-4, с. 342; въ равнѣ образъ сѣ облѣче ангельскыи владыка. плъть приѣтъ богъ слово. и чловѣкъ гавѣаше сѣ. съобразънъ и равнокѣстѣвнъ о(тъ)цоу. се прѣстрада да ны отъ неправды работы изьметъ. и отъ нечѣстна избавитъ. Супр 480: 8-13; и насъ оуслыши г(оспод)и. и да не потопитъ насъ боура водьнаа. ни пожьретъ насъ глѣбина. тако обиштаахомъ зѣло помози намъ б(о)же с'пасе нашъ. тако стахомъ въ глѣбинѣ мороу. и мокры быша ноги наша крѣвьѣж нашеж. Супр 77: 19-24; ꙗко градѣтъ година и нынѣ естъ. егда мрѣтвни оуслышатъ гласъ с(ы)на б(о)житѣ. (Ин 5: 25) Зопр 143: 34-37 (стлб 2); **Тевѣ** сѣ млин дѣемъ. та молимъ вл(ад(ы)ко ч(ловѣко)лю(бь)че. о(тъ)ца г(оспод)а б(ог)а и с(ъ)п(а)са нашего ис(оу)с(ъ)х(рист)а. съшѣдъшааго съ н(е)б(е)се. насъ ради ч(ловѣ)къ. ѿ за наше с(ъ)п(асе)ние. Син евх 61b: 15-19.

В третью группу входят наименования третьей ипостаси Господа Бога (доухъ божь(и), божѣствнъ(и) доухъ, свѣтын доухъ):

и кр(ь)сти сѣ и(соу)сѣ възыде аник ѿ воды. (и се) ѿврѣзоша сѣ кмоу н(е)б(е)са и видѣ (доухъ) б(о)жинъ съходящъ тако и голѣвъ и градъщъ на нѣ. (Мф 3: 16) Мар 7: 21-24; **Видите** ли възлюбѣнни. опасеник словесъ. како божи свѣтын доухъ. свѣтыими своими акы оуже сжшта хоташта быти проповѣдааше. видѣша бо безаконници и осазаша чоудесы чоудотворца бога и въ невѣрствѣ прѣвыша. Супр 323: 8-14; васъ веселитъ вино. мене же благодѣтъ с(ва)тааго д(оу)ха. Супр 19: 14-15.

Абсолютное большинство перечисленных выше УСК представляют собою кальки греческих выражений. Построенные по славянским синтаксическим моделям, они состоят из славянских же лексем, которые как компоненты сверхсловных единиц, использующихся в текстах религиозной тематики, обретают дополнительные семы христианской святости. Чаще всего под влиянием греческого литературного языка в старославянских текстах у данных УСК наблюдается постпозиция подчиненного согласованного компонента, что придает им дополнительный оттенок торжественности, книжности.

Между УСК ядерной зоны и двумя первыми группами УСК околядерной зоны нет жестких границ. Так, например, УСК **богъ вѣчнъ(и)**, **богъ живъ(и)**, **богъ истиннъ(и)**, **богъ небеснъ(и)** / **небесьскъ(и)**, принадлежащие к ядерной зоне, могут использоваться и тогда, когда речь идет о первой или второй ипостаси Святой Троицы. Что же касается имени концепта «**Богъ крѣстианьскъ(и)**», которое возникло в память о мучительной казни на кресте Иисуса Христа, 2-й ипостаси триединого бога, оно фактически сразу стало общим именем единого бога христианизированных славян.

Периферийная зона поля вербализаторов концепта «**Богъ крѣстианьскъ(и)**» состоит из многочисленных УСК, объединенных дифференциальной комплексной семой 'отношение к христианскому богу'. К наиболее многочисленным группам периферийной зоны относятся 1) наименования бестелесных духовных существ – слуг христианского бога (**аггельскъ(и)** / **ангельскыи ликъ**, **аггельскъ(и)** / **ангельскъ(и)** **народъ**, **аггельскыи** / **ангельскыи** **силы**, **аггельскыи** / **ангель-**

скыѡ вѡк, аггели / ангели божии, аггели / ангели небесьнии, аггели / ангели господьни, аггели / ангели свѣта, аггели / ангели словесьнии, архангельскъ(и) ликъ, вѡк небесьнии / небесьсци); наименования матери Иисуса Христа²⁷ 2) наименования земных последователей Христа (раби бога вышьнаго, раби божии, раби господьни, раби хрьстови, божьи оугодьници, божьи люди / чловѣци, слоугы хрьстови) и мучеников за веру христову (святини мѣченици, добрини мѣченици, святини прьвомѣченици, страстьници хрьстови) и пр.

В трансформирующейся языковой картине мира славян триединому Богоу крѣстианскоу противопоставлен его антипод – Къназь мира сего = Сотона = Дияволъ «[от греч. diabolos ‘клеветник’]. Глава злых духов, злое начало, противостоящее Богу, властелин ада; родоначальник и виновник греха и смерти на земле, враг истины, Бога и людей, денница, искуситель, лукавый Люцифер, сатана»²⁸. Как и у Бога крѣстианска, у Къназа мира сего, по представлениям христиан, в подчинении находится множество бесплотных существ; правда, способны они творить только зло. В старославянских памятниках для них есть несколько общих сверхсловных наименований (вѣсь зълъ – вѣси зъли, доухъ зълъ – доуси зъли, вѣсь нечистъ – вѣси нечисти, доухъ зълѡбы – доуси зълѡбы) и большое число обозначений существ, «специализирующихся» на причинении людям особого рода бед, пакостей, болезней и т.д.: вѣсь нѣмъ(и), вѣсь глоухъ(и), вѣсь неджжнъ(и), вѣсь лжкавъ(и) и пр.

При сопоставлении языческого мировоззрения славян с новым, христианским, невольно приходит на ум мысль о том, что славяне находили немало общих черт у Иисуса Христа и языческих богов, наиболее близких к Богу боговъ, – Световида и Белбога, которые, в соответствии с традиционными верованиями славян, отличались милосердием и наиболее действенно откликались на просьбы простых смертных. Князь мира сего в представлении новообращенных христиан ассоциировался с Чернобогом. Что же касается сонма злых духов, выполняющих волю Князя мира сего, то нам кажется вполне оправданным предположение И.И. Срезневского, который в «Изслѣдованіи о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ» писал: «Одно могло быть въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ христіанства; это общее измѣненіе понятій языческихъ: всѣ они одинаково стали считаться злыми. Сначала Славяне, только что принявшіе христіанскую вѣру, и не утвердившись въ ней, боялись гнѣва своіхъ боговъ за измѣну; а потомъ увидѣли въ нихъ, въ противоположность Богу христіанскому, только злыхъ демоновъ, и страшились ихъ преслѣдованій, какъ враговъ рода чловѣческаго»²⁹. Своеобразной заменой для неисчислимого сонма прежних языческих божков, которым славяне поклонялись, обращаясь за помощью (в ратном деле, в семейных и хозяйских заботах; во время охоты, рыбной ловли или сбора урожая; когда наступали их болезни или умирали близкие), постепенно становились христианские святые. Этому процессу способствовал заведенный ранними христианами обычай вносить в богослужебные книги имена и даты гибели мучеников за веру Христову³⁰.

²⁷ Чернышева 2017.

²⁸ Складаревская 2016, 173–174.

²⁹ Срезневский 1848, 13.

³⁰ См. об этом: Древнейшие русские святые... 1852, 485–517; Лосева 2012.

Язык текстов X–XI вв. отражает важнейшие изменения в менталитете средневековых славян, происшедшие в период христианизации. Ключевые позиции в славянской языковой картине мира заняли концепты, характеризующие православно-единобожие, где главенствующая роль принадлежит всемогущему триединому Господу – христианскому Богу. Абсолютное большинство единиц поля вербализаторов концепта «**Богъ кръстияньскъ**» – это УСК, компоненты которых, организованные по продуктивным славянским моделям, представляют собой общеславянские слова-полисеманты. Следы дохристианского славянского многобожия в старославянских памятниках обнаруживаются как в семантической структуре сверхсловных именовании двух первых ипостасей триединого Бога – *Бога Отца* и *Бога Сына*, так и в УСК-обозначениях сил, противостоящих *Святой Троице*, – *войска сатанина (бесов, злых духов, напоминающих древнеславянских божков – леших, домовых и пр.)*.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев, С.С. 2020: *Почему Евангелия – не биографии?* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/novy_i_zavet/pochemu_evangelie_ne_biografii-all
- Благова, Э., Цейтлин, Р.М., Геродес, С. 1994: *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. М.
- Вендина, Т.И. 2002: *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. М.
- Верещагин, Е.М. 2012: *Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания*. М.
- Востоков, А.Х. 1845: Предисловие. В кн.: *Остромирово евангелие 1056–1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым*. I–VIII. СПб.
- Древнейшие русские святцы при Остромировом Евангелии 1852. В кн.: *Христианское чтение*. Ч. I. СПб., 485–517.
- Ефимова, В.С. 2011: *Наименования лиц в старославянском языке*. М.
- Жигулина, Д.В., Климова, О.С., Коротенко, М.А., Мишина, Л.Н., Позднякова, Н.В., Ходиченкова, Д.А., Шулежкова, С.Г. 2015: *Индекс устойчивых словесных комплексов Архангельского и Туровского евангелий*. Магнитогорск.
- Иванова-Мирчева, Д. (ред.) 1999–2009: *Старобългарски речник*: в 2 т. София.
- Михин, А.Н., Осипова А.А., Хайдарова В.Ф., Ходиченкова, Д.А., Шулежкова, С.Г. 2014: *Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия*. Магнитогорск.
- Климова, О.С., Михин, А.Н., Мишина, Л.Н., Осипова, А.А., Ходиченкова, Д.А., Шулежкова, С.Г. 2012: *Индекс устойчивых словесных комплексов памятников восточнославянского происхождения*. Магнитогорск.
- Курц, Й. (ред.) 2006: *Словарь старославянского языка*: в 4 т. СПб.
- Лосева, О.В. 2012: *Русские месяцесловы XI–XIV веков*. М.
- Пенкова, П. 1978: Лексикографическая характеристика Синайского евхология. *Советское славяноведение* 2, 83–87.
- Пенкова, П. 2008: *Речник-индекс на Синайския евхологии*. София.
- Скляревская, Г.Н. 2016: *Лексика современного русского православия: толково-энциклопедический словарь*. СПб.
- Срезневский, И.И. 1848: *Исследования о языческом богослужении древних славян*. СПб.

- Толстой, Н.И. 1998: Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян. *Избранные труды*. Т. II. *Славянская литературно-языковая ситуация*. М., 49–65.
- Трубачев, О.Н. 1992: *В поисках единства*. М.
- Цейтлин, Р.М. 1977: *Лексика старославянского языка*. М.
- Черных, П.Я. 1993: Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М.
- Чернышева, М.И. 2017: *Именования Богородицы в древнерусской письменности: около 500 лексических единиц с объяснениями и комментариями*. М.
- Шулежкова, С.Г., Анохина, С.А., Осипова, А.А., Михин, А.Н., Хайдарова, В.Ф. 2020: *Большой фразеологический словарь старославянского языка*. Т. 1. М.
- Шулежкова, С.Г. 2019: Вера и безверие в славянских текстах X–XI вв. сквозь фразеологическую призму. *Логический анализ языка в различных языках и культурах*: в 2 ч. М.
- Шулежкова, С.Г., Дворжецкий, Р.В., Косминская, Е.А. 2017: *Индекс устойчивых словесных комплексов Ватиканского евангелия X века*. Магнитогорск.
- Шулежкова, С.Г. (ред.) 2011: *Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед.* М.
- Kurz, J. (ed.) 1958–1997: *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. 1–4. Praha.
- Mokienko, W.M. 2018: Prinzipien einer historisch-etymologischen Analyse der Phrazelogie. *Wo der Hund begraben liegt. Studien zur slawischen Parömiologie und Phraseologie*. Burlington–Greifswald, 78–95.
- Sadnik, L., Aitzetmüller, R. 1955: *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg.
- Walter, H. 2018: *Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren für Slawisten, Germanisten und Polonisten*. Greifswald.

REFERENCES

- Averintsev, S.S. 2020: *Pochemu Evangelija – ne biografii?* [Why are Gospels not biographies?], http://azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/novyi_zavet/pochemu_evangelie_ne_biografii-all.
- Blagova, E., Tsejtlin, R.M., Gerodes, S. et al. 1994: *Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Church Slavonic dictionary (based on texts of the 10th–11th centuries)]. Moscow.
- Chernyshyova, M.I. 2017: *Imenovaniya Bogoroditsy v drevnerusskoy pis'mennosti: Okolo 500 leksicheskikh edinit s ob'yasneniyami i kommentariyami* [Names of the Virgin in ancient Russian texts: About 500 lexical units with explanations and comments]. Moscow
- Drevneyshie russkie svyattsy pri Ostromirovom Evangelii 1852 [The earlier Russian saints from the Ostromir Gospel 1852]. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Readings]. P. I. Saint Petersburg, 485–517.
- Efimova, V.S. 2011: *Naimenovaniya lits v staroslavjanskom yazyke* [The names of persons in the Old Church Slavonic language]. Moscow.
- Ivanova-Mircheva, D. (ed.) 1999–2009: *Starobylgarski rechnik*. 2 vols. [Old Bulgarian dictionary]. Sofia.
- Klimova, O.S., Mikhin, A.N., Mishina, L.N., Osipova, A.A., Khodichenkova, D.A., Shulezhkova, S.G. 2012: *Indeks ustojchivykh slovesnykh kompleksov pamyatnikov vostochnoslavjanskogo proiskhozhdeniya* [Index of set phraseological units of manuscripts of the East Slavic origin]. Magnitogorsk.
- Kurts, J. (ed.) 2006: *Slovar' staroslavjanskogo yazyka* [Dictionary of the Old Church Slavonic language]. 4 vols. Saint Petersburg.
- Kurz, J. (ed.) 1958–1997: *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. 1–4. Praha.

- Losieva, O.V. 2012: *Russkie mesyaceslovy XI–XIV vekov* [*Russian menologies of the 11th–14th centuries*]. Moscow.
- Mikhin, A.N., Osipova A.A., Hajdarova V.F., Khodichenkova, D.A., Shulezhkova, S.G. 2014: *Indeks ustojchivykh slovesnykh kompleksov Ostromirova evangeliya* [*Index of set phraseological units of Ostromir gospel*]. Magnitogorsk.
- Mokienko, W.M. 2018: Prinzipien einer historisch-etymologischen Analyse der Phrazelogie. *Wo der Hund begraben liegt. Studien zur slawischen Parömiologie und Phraseologie*. Burlington–Greifswald, 78–95.
- Nida, E.A. 1947: *Bible Translating: an Analysis of Principles and Procedures, with Special Reference to Aboriginal Languages*. New York.
- Penkova, P. 1978: *Leksikograficheskaya kharakteristika Sinayskogo evhologiya* [*Lexicographic characterization of the Sinai Euchology*]. *Sovetskoe slavyanovedenie* [*Soviet Slavic Studies*] 2, 83–87.
- Penkova, P. 2008: *Rechnik-indeks na Sinayskiya evkhologiy* [*Vocabulary and index on the Sinai Euchology*]. Sofia.
- Sadnik, L., Aitzetmüller, R. 1955: *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg.
- Shulezhkova, S.G. (ed.) 2011: *Frazeologicheskiy slovar' staroslavlyanskogo yazyka: svyshe 500 ed.* [*Phraseological dictionary of the Old Church Slavonic language: over 500 units*]. Moscow.
- Shulezhkova, S.G. 2019: *Vera i bezverie vslavlyanskikh tekstakh X–XI vv. skvoz' frazeologicheskuyu prizmu. Logicheskiy analiz yazyka v razlichnykh yazykakh i kul'turakh* [*Faith and faithlessness in Slavic texts of the 10th – 11th centuries through the phraseological prism. Logical analysis of language in various languages and cultures*]. 2 pts. Moscow.
- Shulezhkova, S.G., Anokhina, S.A., Osipova, A.A., Mikhin, A.N., Khaydarova, V.F. 2020: *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' staroslavlyanskogo yazyka* [*Great Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language*]. V. 1. Moscow.
- Shulezhkova, S.G., Dvorzhekiy, R.V., Kosminskaya, E.A. 2017: *Indeks ustojchivykh slovesnykh kompleksov Vatikanskogo evangeliya X veka* [*Index of set phraseological units of the Vatican Gospel of the 10th century*]. Magnitogorsk.
- Sreznevskiy, I.I. 1848: *Issledovaniya o yazycheskom bogosluzhenii drevnikh slavyan* [*Study of the pagan service of the ancient Slavs*]. Saint Petersburg.
- Tolstoy, N.I. 1998: *Drevnyaya slavyanskaya pis'mennost' i stanovlenie etnicheskogo samosoznaniya u slavyan* [*Ancient Slavic writing and the formation of ethnic identity among the Slavs*]. In *Izbrannye trudy. T. II. Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya* [*Selected works. Vol. II. Slavic literary and linguistic situation*]. Moscow, 49–65.
- Trubachev, O.N. 1992: *V poiskah edinstva* [*In search of unity*]. Moscow.
- Tseitlin, R.M. 1977: *Leksika staroslavlyanskogo yazyka* [*Lexics of the Old Church Slavonic language*]. Moscow.
- Vendina, T.I. 2002: *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavlyanskogo yazyka* [*A Medieval human in the mirror of the Old Church Slavonic language*]. Moscow.
- Vereshchagin, E.M. 2012: *Kirillo-Mefodievskoe knizhnoe nasledie. Mezhyazykovye, mezhkul'turnye, mezhvremennye i mezhdisciplinarnye razyskaniya* [*Cyril and Methodius book heritage. Inter-language, inter-cultural, inter-time and inter-disciplinary studies*]. Moscow.
- Vostokov, A.H. 1845: *Predislovie* [Preface]. In *Ostromirovo evangelie 1056–1057 goda s prilozheniem grecheskogo teksta evangeliy i s grammaticheskimi ob'yasneniyami, izdanoe A. Vostokovym*. In *Ostromir gospel of 1056–1057 with the Greek text of the gospels and grammatical explanations, published by A. Vostokov*. I–VIII. Saint Petersburg.

- Walter, H. 2018: *Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren für Slawisten, Germanisten und Polonisten*. Greifswald.
- Zhigulina, D.V., Klimova, O.S., Korotenko, M.A., Mishina, L.N., Pozdnyakova, N.V., Khodichenkova, D.A., Shulezhkova, S.G. 2012: *Indeks ustoychivyykh slovesnykh kompleksov Arkhangel'skogo i Turovskogo evangeliy [Index of set units of the Arkhangelsk and Turov Gospels]*. Magnitogorsk.

SUPERWORD NAMES OF CHRISTIAN CONCEPTS IN THE OLDEST SLAVIC TEXTS

Svetlana G. Shulezhkova¹, Artem N. Mikhin²

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹E-mail: shulezhkova@gmail.com ² E-mail: artem.2000@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the superword units that characterize the Christian God and his environment in the Old Slavonic manuscripts, which reflected changes in the way of thinking of the Slavs during the Christianization period. Difficulties in mastering the new faith were overcome by the Slavs rather calmly, because their way to Orthodoxy was paved by the Slavic first teachers Cyril and Methodius, and in the teachings of Christ there was a lot in common with the traditional pagan beliefs of the Eastern Slavs. Guided by the motto *the Lord wants all people to be saved and reach the knowledge of truth*, the Solun brothers laid the foundations for the fourth confessional literary language of Europe, which is commonly called Old Church Slavonic in domestic linguistics. Relying on linguistic resources understandable to all Slavs, Cyril and Methodius tested a series of models of word and phrase formation to denote Christian religious and philosophical concepts and cult realities, which became verbalizers of the emerging new concepts that took key positions in the transformed language picture of the world of newly converted Christians. An important place in this specific set of language units began to be occupied by the names of Christian idols (the Holy Trinity – God the Father, God the Son and the Holy Spirit), Our Lady – and numerous otherworldly creatures. The analysis of the units used in the manuscripts of the 10th – 11th centuries that have survived to this day, as well as the great amount of set phrases serving as names of the inhabitants of the heavenly kingdom and their opponents, indicate that the Orthodoxy of the Slavs absorbed many features of their former, pagan worldview.

Keywords: Slavs, monotheism, baptism, way of thinking, phraseological set units, paganism

---
